КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.
16-го Мая. № 10. 1877 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О ЛАТИНСКИХЪ ПРОПОВѢДНИКАХЪ НА РУСИ КІЕВСКОЙ ВЪ X И XI ВѢКАХЪ.

(Окончаніе) [1].

Первая попытка вовлечь Русь въ систему западной римской имперіи оказалась такимъ образомъ безуспѣшною. Тогда какъ весьма многія западныя хроники того времени опредѣленно отмѣчаютъ это событіе, въ русскихъ лѣтописяхъ мы не находимъ ни малѣйшаго намека на сношенія св. Ольги съ западомъ. Въ дальнѣйшей исторіи замѣчается такое же, только обратное, несоотвѣтствіе въ показаніяхъ западныхъ и нашихъ источниковъ. По мѣрѣ того какъ приближается время общаго христіанскаго просвѣщенія Руси, наши лѣтописи чаще и чаще указываютъ на сношенія русскихъ князей съ западомъ по дѣлу вѣры; западныя напротивъ ни однимъ словомъ не упоминаютъ ни о какихъ сношеніяхъ. По свидѣтельству нашихъ лѣтописей послы папы приходятъ къ Ярополку около 979 года; «нѣмцы изъ Рима» приходятъ къ Владиміру и предлагаютъ ему свою вѣру около 986 г. Затѣмъ непосредственно послѣ крещенія, когда

[1]) См. начало „Кіев. Епарх. Вѣд.“ № 8-й.

Владимiръ еще былъ въ Корсунѣ «приходиша послы изъ Рима отъ папы и мощи святыхъ принесоша къ Володимiру». Подъ 991 годомъ опять упоминаются папскiе послы къ Владимiру, подъ 994 говорится о послахъ Владимiра, «иже ходиша въ Римъ къ папѣ»; наконецъ подъ 1002 годомъ говорится: «посла Владимiръ гостей своихъ аки въ послѣхъ въ Римъ, а другихъ въ Iерусалимъ и въ Египетъ и въ Вавилонъ соглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ». Но въ параллель къ этимъ свидѣтельствамъ, показывающимъ повидимому самыя живыя сношенiя древней Руси съ папствомъ и западомъ, мы не встрѣчаемъ ни одного указанiя о подобныхъ сношенiяхъ въ источникахъ западныхъ. Ученая критика отрицаетъ подлинность даже тѣхъ немногихъ указанiй западныхъ источниковъ этого времени, гдѣ встрѣчаются только упоминанiя о Руси [1]). Какъ же относиться къ этимъ свидѣтельствамъ нашихъ лѣтописей? Молчанiе западныхъ хроникъ, обыкновенно тщательно отмѣчающихъ религiозныя отношенiя имперiи и папства къ сосѣднимъ народамъ представляетъ серьезное, но не рѣшительное возраженiе противъ достовѣрности свидѣтельствъ нашихъ лѣтописей. Припомнимъ напр. что греческiя лѣтописи ни слова не говорятъ о крещенiи Владимiра, что лѣтопись Нестора умалчиваетъ о первыхъ кiевскихъ митрополитахъ. Западныя лѣтописи также иногда опускаютъ факты весьма важные, что однако же не даетъ права отвергать ихъ дѣйствительность. Но тѣмъ не менѣе однакоже показанiя нашихъ лѣтописей о сношенiяхъ

---

[1]) Такъ напр. историческая критика отрицаетъ подлинность буллы папы Iоанна XIII объ утвержденiи пражскаго епископства въ 970 г., буллы, въ которой папа запрещаетъ употребленiе при богослуженiи *русскаго* или славянскаго языка (Ruziae vel slavonicae linguae) См. Iaffè Regesta Pontificum стр. 947.

съ папою и Римомъ при Владимірѣ святомъ справедливо отрицаются современною исторической критикою [1]). Кромѣ того, что большая часть приведенныхъ нами свидѣтельствъ принадлежитъ позднѣйшимъ нашимъ лѣтописямъ, и что нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ носятъ ясные слѣды тенденціозныхъ преувеличеній,—противъ ихъ буквальной достовѣрности говоритъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что сношенія папства съ европейскими народами вообще—не были такъ развиты, какъ это представляется по сказаніямъ нашихъ лѣтописей. Десятый вѣкъ былъ эпохою крайняго упадка папства. Нравственная испорченность и неспособность папъ, внутреннія смуты въ Италіи и папской куріи вели къ паденію авторитета папства и къ ослабленію его церковно-политическихъ сношеній. И народы болѣе близкіе къ интересамъ римской церкви въ то время рѣдко имѣли непосредственныя сношенія съ папами. Итакъ едва ли возможно принять свидѣтельства нашихъ лѣтописей въ *буквальномъ* смыслѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже было бы несправедливо и отрицать попытки западной церкви къ обращенію Владиміра въ католицизмъ. Наши лѣтописи представляютъ Владиміра, еще язычника, въ довольно живыхъ сношеніяхъ съ Чехіею, одну изъ женъ его называютъ чехинею и упоминаютъ о послахъ чешскаго князя Ольдриха. Затѣмъ овладѣвъ Галиціею, Владиміръ раздвинулъ свои владѣнія до самыхъ границъ Чехіи и держалъ съ нею миръ и дружбу. Вотъ главный путь, которымъ могла проникать на Русь католическая пропаганда. Чехія, куда еще при Вячеславѣ латино-нѣмецкое духовенство стекалось со всѣхъ сторонъ, «какъ пчелы въ улей», по выраженію біографа св.

---

[1]) Костомаровъ. Преданія древней лѣтописи. Вѣстникъ Европы 1873 г. Мартъ.

Вячеслава, Чехія, которая скоро распространила вліяніе нѣмецко-латинскихъ началъ и на Польшу и въ Болеславѣ II имѣла ревностнѣйшаго сторонника западнаго христіанства,— могла высылать миссіонеровъ на Русь, когда ея князь сталъ колебаться въ своихъ языческихъ убѣжденіяхъ. Поэтому, отрицая буквальный смыслъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній о посольствахъ ко Владиміру со стороны латинской церкви, нельзя отрицать частныхъ попытокъ сосѣднихъ князей или епископовъ чешскихъ и даже польскихъ, попытокъ, имѣвшихъ цѣлію склонить св. Владиміра къ принятію католичества. Родственныя связи съ Чехіей и вліяніе духовныхъ лицъ безъ сомнѣнія сопровождавшихъ христіанку-чехиню на Русь, особенно могли служить проводниками католической пропаганды: припомнимъ, что этимъ путемъ двѣ другихъ славянскихъ княжны Добровка и Сарольта послужили главнѣйшими орудіями западнаго христіанства при введеніи его въ Польшѣ и Венгріи. Разсказъ нашихъ лѣтописей о бесѣдѣ Владиміра съ послами папы хотя конечно, такъ же какъ и символъ Владиміра, есть произведеніе позднѣйшее и не имѣетъ строго-историческаго значенія, но тѣмъ не менѣе вѣрно намѣчаетъ нѣкоторыя черты латинской миссіонерской проповѣди. Послы папы начинаютъ свою проповѣдь язычнику— Владиміру не съ ученія о Богѣ, а съ догмата о папствѣ: «глаголетъ ти великій папа». Ученіе о главенствѣ папы, о подчиненіи намѣстнику св. Петра стояло на первомъ мѣстѣ у западныхъ проповѣдниковъ, начиная со времени Бонифація. Характеристична и другая черта: «Володимеръ рече: кака заповѣдь ваша? Они же рѣша: пощеніе по силѣ, аще кто піетъ или ястъ, то все во славу Божію, рече учитель нашъ Павелъ». Здѣсь сказывается обычная католицизму таже самая поблажка, чрезмѣрная снисходительность къ слабостямъ

человѣческимъ, какая замѣчена была въ латинскихъ проповѣдникахъ и въ Моравіи, о которыхъ въ житіи св. Меѳодія говорится, что они «Божіи раби творящеся, тай развращаху люди, ласкающе». Отъ проницательнаго ума Владиміра не укрылись эти и другія слабыя стороны латинства: и эта проповѣдь латинскихъ миссіонеровъ принята съ такимъ же равнодушіемъ, какъ и проповѣдь Адальберта при св Ольгѣ. «Рече Володимеръ нѣмцамъ: идѣте себѣ: отцы наши сего не пріяли суть». Всѣ предшествующія вѣковыя связи указывали Владиміру искать высшаго духовнаго союза не съ папскимъ и императорскимъ западомъ, сливавшимъ религію съ политикою, а съ православнымъ востокомъ, откуда «на вся страны всегда добрый законъ исходитъ» и откуда приняла его мудрая Ольга.

Русь приняла христіанство отъ Византіи. Въ тоже время между нѣмецкою имперіею и Русью образовались два самостоятельныя сильныя государства—польское и венгерское, которыя преградили имперіи дальнѣйшее движеніе къ востоку. Образованіе этихъ государствъ ограничивало и кругъ непосредственныхъ вліяній латино-нѣмецкихъ началъ. Главный дѣятель этого весьма важнаго событія папа Сильвестръ II, знаменитый предшественникъ Григорія VII по многимъ идеямъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ духѣ исконной политики римскаго двора—утверждать самостоятельность отдѣльныхъ народовъ, чтобы тѣмъ тѣснѣе привязывать ихъ въ качествѣ равноправныхъ сыновъ христіанской семьи къ престолу св. Петра, какъ общему и высшему центру духовной жизни. Съ нѣкоторыми обязательствами въ отношеніи къ папству, Стефанъ король венгерскій и Болеславъ Храбрый король польскій съ короною получили полную независимость политическую и независимость цер-

ковную. Въ послѣднемъ отношеніи они получили теперь права и обязанности принадлежавшія доселѣ одной имперіи— именно учреждать епископства и назначать епископовъ въ своихъ государствахъ, а также и обязанность распространять христіанство у своихъ языческихъ сосѣдей. Такимъ образомъ, образованіе въ сосѣдствѣ съ Русью двухъ самостоятельныхъ государствъ удаляло ее отъ вліянія началъ нѣмецко-латинскихъ, но приближало къ ней вліяніе папства при посредствѣ Венгріи и особенно Польши. Было ли такое вліяніе и насколько оно было значительно? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ исторіи двухъ западныхъ миссіонеровъ, приходившихъ на Русь при Владимірѣ и Святополкѣ—къ исторіи такъ называемаго «апостола Руссовъ» Бруно-Бонифація и епископа колобрежскаго Рейнберна.

Бруно или Брунъ родился около 976 года въ Кверфуртѣ и происходилъ изъ фамиліи родственной императорамъ саксонскаго дома. Лѣтъ 12-ти онъ отданъ былъ отцомъ своимъ въ магдебургскую школу—знаменитую въ исторіи славянства важнымъ участіемъ въ воспитаніи многихъ епископовъ и миссіонеровъ славянскихъ. Съ 968 по 981 г. школа эта состояла подъ главнымъ начальствомъ архіепископа магдебургскаго Адальберта, бывшаго русскаго миссіонера и епископа, и въ это время получилъ тамъ воспитаніе знаменитый Адальбертъ-Войтехъ, главный основатель католицизма въ Чехіи, окончившій бурную жизнь свою мученичествомъ у Пруссовъ. Сообщая питомцамъ своимъ «семь хлѣбовъ мудрости»—trivium и quadrivium,—школа давала имъ, какъ можно судить по внутреннимъ порядкамъ и ученикамъ ея,—строго нѣмецкое направленіе и приготовляла въ нихъ ревностныхъ поборниковъ не только католицизма, но и германизма. Вмѣстѣ съ Бруно въ этой же школѣ получилъ обра-

зованіе и Титмаръ, впослѣдствіи епископъ мерзебургскій, извѣстный своею хроникою, бывшій въ родствѣ и близкой дружбѣ съ семействомъ Бруно. По окончаніи ученія, Бруно былъ сначала каноникомъ при церкви св. Маврикія въ Магдебургѣ, но выдвигаясь своимъ образованіемъ, скоро былъ взятъ ко двору и до того понравился молодому императору Оттону III, что Оттонъ, по свидѣтельству жизнеописателя Ромуальда, не называлъ его иначе, какъ: «душа моя». Вѣроятно въ 996 году онъ сопутствовалъ императору въ Италію и здѣсь, какъ предполагаютъ, въ монастырѣ св. Алексія въ Римѣ постригся въ монашество подъ именемъ Бонифація. Строгій подвижникъ, Бруно-Бонифацій идеаломъ для себя поставилъ извѣстнаго просвѣтителя Германіи, имя котораго онъ принялъ въ монашествѣ. Говорятъ, бывъ однажды въ церкви, посвященной Бонифацію, Бруно воскликнулъ: «и я ношу имя Бонифація: почему же и мнѣ не быть мученикомъ Христовымъ?» Чрезъ нѣсколько времени Бонифацій вступилъ въ братство, которое собралось около пустынника Ромуальда, славившагося по всей Италіи, жилъ съ нимъ въ Тибурѣ, Монте-Кассино и наконецъ въ Переѣ близь Равенны. Ромуальдъ—знаменитый основатель ордена камалдуловъ и его монастырь въ Перeѣ имѣли важное значеніе для новыхъ независимыхъ отъ имперіи государствъ Польши и Венгріи. Братство Ромуальда какъ-бы предназначалось замѣнить собою магдебургскую школу, назначалось служить разсадникомъ миссіонеровъ и новаго независимаго отъ Германіи духовенства въ Польшѣ и Венгріи. По свидѣтельству Даміани, по просьбѣ Болеслава храбраго, изъ братства Ромуальда отправлены были въ Польшу для приготовленія къ миссіонерской дѣятельности два монаха Іоаннъ и Бенедиктъ и здѣсь въ теченіи семи лѣтъ усердно трудились въ изученіи польскаго языка,

но, по несчастію, когда приготовились уже къ этому дѣлу, были убиты разбойниками. Въ этомъ же аббатствѣ, въ Переѣ, по увѣщанію Ромуальда, принялъ монашество и подвизался сынъ Болеслава храбраго Болеславъ, безъ сомнѣнія приготовлявшійся отцомъ своимъ стать во главѣ національнаго польскаго духовенства. Если прибавимъ къ этому, что въ самой Равеннѣ Стефаномъ королемъ венгерскимъ учрежденъ былъ монастырь для венгровъ, что монастырь въ Переѣ былъ основанъ въ честь новаго святаго изъ славянъ Адальберта-Войтѣха, что Ромуальдъ впослѣдствіи самъ со многими учениками отправился на проповѣдь въ Венгрію, то можемъ заключать, что знаменательное имя Бонифація дано было Бруно именно въ видахъ предназначаемой ему миссіонерской дѣятельности въ восточныхъ областяхъ Европы. Еще въ Италіи, по взаимному согласію папы и императора Генриха II, Бруно назначенъ былъ архіепископомъ in partibus infidelium, т. е. вообще въ странахъ необращенныхъ въ христіанство и непринадлежащихъ къ римской церкви. Въ 1002 или 1003 г. онъ возвратился въ Германію и отъ архіепископа Тагино получилъ здѣсь епископское посвященіе съ возложеніемъ паллиума, который самъ принесъ изъ Рима. Непосредственно затѣмъ новый архіепископъ отправился въ Польшу, къ двору Болеслава храбраго. Между архіепископомъ и польскимъ королемъ скоро установились самыя дружественныя отношенія. По совѣту Болеслава и можетъ быть при его посредствѣ Бруно прежде всего отправился въ Венгрію. Здѣсь еще недавно стало водворяться христіанство стараніями короля Стефана, котораго крестилъ Войтѣхъ епископъ пражскій въ 995 г. Понятно, что Бруно надѣялся найти здѣсь обширное поприще дѣятельности. Ожиданія его однакоже не оправдались. Онъ пробылъ здѣсь

около двухъ лѣтъ, какъ самъ онъ говоритъ, *напрасно*. Ревностно охранявшій свою независимость, Стефанъ не хотѣлъ и церковной зависимости, и нѣмецкій миссіонеръ, хотя онъ «несъ Евангеліе отъ св. Петра», казался ему подозрительнымъ. Бруно въ 1008 г. удалился на Русь и цѣлый мѣсяцъ былъ у русскаго князя, какъ видно изъ описанія, въ Кіевѣ у Владиміра. Какая была цѣль западнаго миссіонера? Разсказъ объ этомъ сообщаетъ самъ Бруно въ письмѣ къ императору Генриху II. «Изъ Венгріи, говоритъ Бруно, мы направили путь свой къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ печенѣгамъ. Государь Руссовъ, великій державою и богатствомъ, мѣсяцъ удержалъ меня и противясь моему намѣренію, старался убѣдить меня, чтобы я не шелъ къ столь неразумному народу, гдѣ не могъ бы снискать душъ, а лишь найти смерть, и то постыднѣйшую». Но вслѣдствіе, будто бы, видѣнія, русскій князь отпустилъ Бруно и съ дружиною проводилъ его до печенѣжской границы. Владиміръ съ своими вошелъ за ворота ограды (укрѣпленной линіи на границѣ) и сталъ на сторожевомъ курганѣ; Бруно съ товарищами пошелъ въ степь, съ крестомъ и съ пѣніемъ стиховъ евангельскихъ. Пять мѣсяцевъ пробылъ онъ у печенѣговъ, подвергался многимъ опасностямъ, едва не погибъ, но умѣлъ пріобрѣсти вліяніе на старшинъ и крестилъ до 30 человѣкъ. Онъ успѣлъ заключить миръ между печенѣгами и Русью и возвратился въ Кіевъ. Какъ только Владиміръ узналъ, что христіанство нашло отголосокъ у печенѣговъ, онъ рѣшился отправить къ нимъ въ заложники собственнаго сына, чтобы скрѣпить миръ и тѣмъ облегчить дѣйствія миссіонеровъ. Бруно поставилъ епископомъ для печенѣговъ одного изъ своихъ спутниковъ.—Такова сущность свѣдѣній, сообщаемыхъ самимъ Бруно въ письмѣ

къ Генриху II. Цѣлью его миссіи, какъ видно, была только проповѣдь у печенѣговъ, приготовленіемъ къ которой могла служить для Бруно его проповѣдь у единоплеменныхъ и единоязычныхъ съ печенѣгами венгровъ. Но замѣчательно, что Бруно вовсе не упоминаетъ о своей проповѣднической дѣятельности въ самой Руси. Владиміръ, уже христіанинъ православной восточной церкви,—какъ видно не дозволилъ западному проповѣднику обнаружить свою миссіонерскую ревность на Руси, какъ бы ни велика была потребность въ просвѣтителяхъ въ только-что принявшей христіанство странѣ. Если Стефанъ Венгерскій, принявшій христіанство по обряду латинскому и имѣвшій при себѣ латинское духовенство, недовѣрчиво отнесся къ нѣмецкому миссіонеру: то тѣмъ менѣе довѣрія могъ встрѣтить Бруно у князя русскаго, недавно серьезно испытавшаго латино-нѣмецкія начала и рѣшительно отвергшаго католицизмъ. При этомъ не можемъ не замѣтить, что и разсказъ Бруно о миссіи у печенѣговъ внушаетъ нѣкоторое недовѣріе тенденціею выставить свои миссіонерскія подвиги и опасности. Миссія у печенѣговъ, по всей вѣроятности, не была такимъ рискованнымъ, ничѣмъ непосредствуемымъ подвигомъ, какимъ представляетъ ее Бруно. Если миссіонеръ возстановилъ миръ между печенѣгами и русскимъ княземъ, то безъ сомнѣнія онъ могъ это сдѣлать только по порученію Владиміра. Вотъ слѣдовательно главное посредство и условіе возможности этой миссіи, и можетъ быть въ сущности дѣло только и ограничивалось исполненіемъ этого политическаго порученія. Какъ бы то ни было, о дальнѣйшей судьбѣ латинскаго епископа у печенѣговъ ничего неизвѣстно; извѣстно только, что христіанство у печенѣговъ не привилось.

Изъ Кіева Бруно отправился навѣстить сѣверныя миссіи—скандинавскую и поморско-прусскую. Съ первою онъ вошелъ въ сношенія, вторую принялъ подъ личное руководство. Средоточіемъ и главною опорою ея была Польша. Болеславъ Храбрый, ревностный поборникъ христіанства, употреблявшій огромныя средства на построеніе церквей, на пособіе приходившимъ въ Польшу священникамъ, на поддержаніе миссій у язычниковъ, особенно заботился объ обращеніи пруссовъ, всегдашнихъ враговъ Польши, которыхъ ему удалось покорить. Не суждено было Бруно-Бонифацію имѣть успѣхъ и на сѣверѣ между пруссами. Какъ показываютъ собственныя слова его въ письмѣ къ Генриху, онъ не могъ дѣйствовать въ чистомъ духѣ Евангелія, въ духѣ кротости и любви: для обращенія язычниковъ онъ требовалъ помощи свѣтской власти, онъ требовалъ отъ князей «compellere intrare»,—чтобы они силою побуждали язычниковъ вступать въ церковь. Но съ другой стороны онъ не жилъ еще въ томъ вѣкѣ, когда западный миссіонеръ велъ желѣзный строй рыцарей для того, чтобы обращать еретиковъ и язычниковъ. Слово его было безплодно, но рука еще не была вооружена. Онъ погибъ года полтора послѣ того какъ былъ на Руси и писалъ отсюда къ Генриху. Титмаръ разсказываетъ, что его убили гдѣ-то между прусскою землею и Русью, стало быть въ Литвѣ. Такъ и свидѣтельствуетъ кведлинбургская лѣтопись, подъ 1009 годомъ: «Бруно, по другому имени Бонифацій, архіепископъ и монахъ, на одиннадцатомъ году своего постриженія погибъ, 9 марта, обезглавленный язычниками на границахъ Руси и Литвы, съ 18 товарищами, и былъ пріятъ на небеса. Римская церковь причислила его къ лику святыхъ».

Въ католической церкви Бруно-Бонифацій слыветъ подъ именемъ *апостола руссовъ*, и католическіе ученые начиная съ Баронія до Флери и новѣйшихъ представителей ультрамонтанскаго направленія въ наукѣ считаютъ Бонифація просвѣтителемъ и мученикомъ *русскимъ*. Ошибка, основанная однако же на древнихъ документахъ. Около 1040 года написана была въ Италіи Петромъ Даміани жизнь св. Ромуальда, въ которой довольно подробно говорится между прочимъ и о послѣднихъ подвигахъ и смерти Бонифація. По этому сказанію Бонифацій проповѣдывалъ *славянскому народу* и потерпѣлъ мученичество отъ *русскаго* князя, брата котораго онъ обратилъ въ христіанство, невредимо прошедши между двухъ горящихъ костровъ. Но какъ видно, пока вѣсть о Бруно-Бонифаціи изъ Литвы дошла до Италіи, въ ней не осталось ничего историческаго: сказаніе Петра Даміани, равно какъ и другое—Виперта, выдающаго себя спутникомъ Бруно, переполнено такими несообразными и баснословными чудесами, что не представляетъ въ себѣ ничего достовѣрнаго и по справедливости отвергается учеными. Между прочимъ мысль о русскомъ апостольствѣ Бонифація опровергается и сказаніемъ Виперта, который послѣднюю дѣятельность Бруно пріурочиваетъ къ Пруссіи, говоритъ объ обращеніи *прусскаго*, а не *русскаго* князя, хотя и даетъ ему славянское имя *Нѣтимиръ*. Вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о Бруно сообщаются только у Титмара и въ письмѣ самого Бруно къ Генриху II, и на основаніи этихъ документовъ мы видѣли, что Бруно, какъ миссіонеръ, не имѣлъ никакого отношенія къ Руси. Къ слову объ источникахъ еще одно замѣчаніе. У интерполятора монаха Адемара, писавшаго хронику около 1150 года, котораго Пертцъ называетъ non omnino insanus, находимъ извѣстіе такого рода:

«св. Бруно обращаетъ провинцію Пруссію и другую, называемую Русью... Отправившись къ пинценнатамъ и проповѣдуя имъ, пострадалъ также какъ и св. Адальбертъ (т. е. Войтѣхъ). Тѣло его русскіе выкупили за большія деньги и на Руси создали монастырь его имени, и началъ онъ прославляться многими чудесами. А чрезъ нѣсколько времени пришелъ на Русь нѣкій греческій епископъ и большинство этой провинціи, еще преданной идоламъ, обратилъ и заставилъ ихъ (русскихъ) принять греческій обычай въ рощеніи бороды и другихъ отношеніяхъ». Изъ этого свидѣтельства справедлива только та общая идея, что проповѣдь Бруно или другаго какого-либо западнаго «апостола Русовъ» должна была уступить греко-восточному началу [1]).

Въ заключеніе, нѣсколько словъ еще объ одномъ западномъ проповѣдникѣ на Руси въ XI вѣкѣ. Болеславъ, какъ мы замѣтили, наслѣдовалъ обязанности имперіи въ обращеніи сосѣднихъ странъ къ христіанству и былъ душею сѣверовосточной миссіи, во главѣ которой стояли сначала Войтѣхъ, а потомъ Бруно. Завоевательныя и миссіонерскія тенденціи этотъ «христіаннѣйшій» король перенесъ и на Русь. Сынъ Владиміра, удѣльный князь туровскій Святополкъ былъ женатъ на дочери Болеслава Храбраго. Вмѣстѣ съ дочерью Болеслава прибылъ ко двору туровскаго князя Рейнбернъ, епископъ колобрежскій, какъ видно нѣмецъ, но стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ Болеславу. Рейнбернъ дѣятельно велъ пропаганду католицизма въ удѣлѣ Святополка, хотя

---

[1]) Источниками о Бруно-Бонифаціѣ для насъ служили: *Бѣлевскаго* Monumenta Poloniae, гдѣ помѣщены всѣ документы относящіеся къ этому предмету, хроники Титмара, Интерполятора Адемара, статья Гильфердинга о Бруно въ Русской Бесѣдѣ 1856 г. кн. 1, *Gfrörer* Kirchengeschichte, Baronii Annales и др. пособія.

по всей вѣроятности здѣсь было уже греческое духовенство. Титмаръ, епископъ мерзебургскій, единственный источникъ свѣдѣній о Рейнбернѣ говоритъ: «происходя изъ мѣстечка Гассегунъ, воспитанный въ свободныхъ наукахъ умными учителями, Рейнбернъ. достойно, думаю, достигъ епископскаго сана. А сколько потрудился онъ въ порученномъ ему дѣлѣ, (для описанія этого) недостаточно ни моего знанія, ни способности. Разрушая идольскія капища, онъ сожигалъ ихъ и отъ неплоднаго дерева, т. е. отъ народа до крайности грубаго, произвелъ всемогущему Богу отрасль святаго проповѣданія» [1]). Но вмѣстѣ съ этимъ святымъ проповѣданіемъ Рейнбернъ подстрекалъ Святополка къ возстанію противъ Владиміра. Для Болеслава былъ важенъ успѣхъ этого возстанія въ политическомъ, а для западной церкви можетъ быть и въ религіозномъ отношеніи, такъ какъ съ этимъ возстаніемъ могли связываться виды на отторженіе Руси отъ союза съ восточнымъ православіемъ. Владиміръ узналъ объ интригѣ Рейнберна, захватилъ его и вмѣстѣ съ сыномъ и невѣсткою заключилъ въ тюрьму, гдѣ Рейнбернъ скоро умеръ. Титмаръ говоритъ, что Болеславъ не преминулъ отомстить Владиміру, сколько могъ. Послѣдующія затѣмъ войны Болеслава съ Русью, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, имѣли религіозное значеніе, и завоевательныя тенденціи Болеслава и были именно причиною того, что Владиміръ «бросился въ объятія греческой церкви» и только въ Византіи искалъ для себя спасенія [2]). Мы думаемъ однако же, что это мнѣніе основано не болѣе какъ только на извѣстіи Титмара о дѣятельности Рейнберна, дѣятель-

---

[1]) Tiethmari Chron. VII, 52.

[2]) Gfrorér, Kirchéngeschichte.

ности тенденціозной, но большаго значенія во всякомъ случаѣ не имѣвшей.

Изъ сказаннаго нами видно, что латинская пропаганда приражалась къ Руси весьма слабо. Русь тяготѣла къ востоку и греческой церкви; она не вошла въ районъ непосредственныхъ дѣйствій священной Римской имперіи, а Польша не могла стать для Руси тѣмъ же, чѣмъ для нея самой была эта имперія. Поэтому православіе не испытало на Руси той борьбы съ католицизмомъ, какую оно должно было выдержать въ другихъ, болѣе западныхъ славянскихъ областяхъ, напр. въ Моравіи при Кириллѣ и Меѳодіѣ. Присутствіе сильнаго полемическаго элемента противъ католицизма въ нашихъ лѣтописяхъ и вообще въ древнѣйшей литературѣ русской не можетъ противорѣчить этому. Полемика эта проникла въ нашу литературу уже позже, и была перенесена къ намъ или съ почвы византійской, главнымъ образомъ послѣ окончательнаго раздѣленія церквей въ XI столѣтіи, или изъ другихъ иноземныхъ (славянскихъ) источниковъ.

А. Вороновъ.

ДЛЯ НАШЕГО БРАТА.

I.

Не слово о брани я мыслю начать,
    Не клики противъ супостата,—
Но сердцемъ хочу я вѣсть сердцу подать,
    На помочь для нашего брата.

*

Святому добру моя пѣсня! И въ ней
Былая пора на поминѣ—
И женщины наши съ любовью своей,
И братья, что ныньче въ чужбинѣ...

*

Зима; по Россіи, во всю ея ширь,
Топочетъ, гудитъ по чугункѣ
Въ желѣзо и мѣдь залитой богатырь,
Картинный, какъ будто въ рисункѣ.

*

Бѣжитъ и попыхиваетъ заодно
Клубочками сизыми въ гору,—
Не то ему жарко, не то холодно,
Должно быть—какъ разъ ему впору.

*

То въ струнку протянется, мчась во всю прыть,
То змѣйкою тихо виляетъ;
На мигъ постоитъ, чтобъ водицы испить—
И въ часъ онъ верстъ тридцать шагаетъ.

*

Вотъ, съ посвистомъ звонкимъ, къ далекимъ краямъ
Онъ мчится послушной и смѣлой,
И машетъ прощаяся издали намъ
Зыбучею лентою бѣлой.

*

На поѣздъ его я съ почетомъ смотрю:
Везетъ не товаръ онъ мудреной,
А русскую кровь, *дорогую Царю*,
Готовую стать обороной.

*

«Солдатики ѣдутъ! безсрочныхъ везутъ!»—
Толкуютъ по городу люди,
И женщины наши ихъ первыя ждутъ,
А сердце какъ ходитъ въ ихъ груди!..

*

Собравши хлѣбъ-соль отъ своей простоты,
Весь день провозившись съ базаромъ,
Бѣгутъ на вокзалъ онѣ за три версты,
И грѣются внутреннимъ жаромъ.

*

Не разъ и не два онѣ въ ночь и въ морозъ
Толпой на чугунку бѣжали;
Не разъ и не два дорогой паровозъ
До самой полуночи ждали.

*

Вдругъ, искры швыряя, онъ слѣдъ освѣтилъ,
Свиститъ, и скользитъ по-немногу,
И огненные онъ глаза опустилъ,
И зорко глядитъ на дорогу.

*

И чуть остановки послышался знакъ,—
Хозяйки гостей окружили,
Имъ рыбку, и водку, и хлѣбъ, и табакъ
Сердечно и спѣшно дѣлили.

*

«Вотъ—нате, голубчики: Богъ вамъ послалъ!
«Погрѣйтеся!»—имъ ворковали:
И съ жаркимъ спасибо имъ, вмѣсто похвалъ,
Солдаты *ура* закричали.

*

А та-вонъ хозяйка хлопочетъ раздать
Еще по кусочку, что можетъ,—
И плачетъ..... Чего она плачетъ какъ мать?!
И что̀ ея сердце тревожитъ!?

*

Утѣшься, родная! и бодрой душой
Ты благослови ихъ къ походу:
Вѣдь нѣту священнѣе долга, какъ бой
За братскую жизнь и свободу!...

*

Согрѣлись солдаты, и въ путь наконецъ
Все дальше летятъ на морозѣ,
И вслѣдъ имъ несутся изъ чистыхъ сердецъ
Молитвы, и вздохи, и слезы.

*

Не видно ужь братьевъ, а сестры стоятъ
Въ невольной сердечной печали,
Не мысля, какъ много геройство солдатъ
Любовью своей окрыляли.

*

И вотъ, накормивъ, напоивъ, не скупясь
Копѣйкой своею, солдата,
«*Богъ милость послалъ намъ!*» лепечутъ крестясь,-
И въ сердцѣ ихъ тихо и свято.

*

Лишь за̀-полночь идутъ онѣ по домамъ;
На трудъ свой встаютъ до разсвѣта;
А вечеромъ—вновь на чугунку, и тамъ
Что̀ хлѣба опять и привѣта!...

*

О, сладостно видѣть, какъ изъ году въ годъ,
Весь преданный тяжкимъ занятьямъ,
Растетъ своимъ духомъ, растетъ нашъ народъ
И впрямь помогаетъ онъ братьямъ.

*

Вамъ, женщины наши, и честь и хвала!
Вамъ первая пѣсня отъ сердца!
Любовь ваша къ братьямъ ихъ духъ подняла,—
И братья побьютъ иновѣрца!

*
* *

II.

А нынѣ, какъ наши герои пошли
На подвиги правды и чести,
И мы ужь зѣвать-то не станемъ вдали,
И мы ужь поднимемся вмѣстѣ!

*

Друзья! рука въ руку, съ сердцами сердца̀,
За арміей нашей родною
Мы всѣ какъ одинъ въ эти дни до конца
Да станемъ великой стѣною!

*

Всѣ наши надежды почіютъ на ней:
Пускай-же душа распахнется,
Забота—сердечнѣй, оглядка—вѣрнѣй,
И помочь ей льется и льется!

*

И старый и малый за дѣло возьмись,—
Здѣсь всѣмъ намъ работы довольно:
Кто можетъ—пожертвуй, не можешь—молись,
Работай для нихъ богомольно.

*

Не въ силахъ помочь самъ,—другихъ шевели,
И въ сердце стучися имъ смѣло,
И словомъ горячимъ настой, умоли
На доброе, честное дѣло!

*

Кто можетъ—израненнымъ братомъ займись,
Не такъ-бы грустилъ онъ невольно;
Кто хлѣбомъ съ семействомъ его подѣлись,
Пожалуй сиротъ сердобольно.

*

Не гривны теперь ужь нужны, не рубли,
А жертвы, поймите вы: жертвы!
Ужели хотимъ мы, чтобъ братья легли,
А мы были заживо мертвы!?

*

Въ тотъ день, какъ солдатъ въ смертоносныхъ бояхъ
Готовъ за насъ голову ставить,
Идти-ли намъ врозь, выѣзжать на словахъ,
И сердцемъ безстыдно лукавить?!

*

Ахъ, много уродства въ великой семьѣ:
И вялость, и личность, и смуты,
И своекорыстье въ народной войнѣ,
И черствость въ такія минуты!

*

Внуши мнѣ ты, сердце, внуши поскорѣй
Глаголъ, проникающій въ душу,
Внуши, да безчувственность сонныхъ людей
Молящей любовью нарушу.

*

О, дѣти Россіи! въ дни брани святой
Не будемъ-те жить святотатски,
Но честно исполнимъ мы долгъ свой прямой
И братьямъ поможемъ по-братски!

*

Долой на все время великой войны
Всю роскошь и прихоти свѣта,
Чтобъ были накормлены наши сыны,
Семья ихъ была-бы одѣта!

*

Тогда и войска, какъ одинъ человѣкъ,
Повсюду героями будутъ,
Съ отрадой, что братья не кинутъ калѣкъ,
Ни ихъ, ни дѣтей не забудутъ.

*

Такъ слушай же, другъ: изъ всего, чѣмъ живешь,
На нихъ—хотя сотую долю!
Иначе—нѣтъ адресамъ вѣры на грошъ,
И лгали мы въ полную волю!

*

Ужель мы обманемъ надежды Царя?
Ужели обманемъ несчастныхъ?
И сами тучнѣя, лишь воиновъ зря
Дадимъ на убой ихъ безгласныхъ?!

*

Такъ слушай же, ты: за душой приглядай,
Не будь хоть теперь казнокрадомъ,
И хлѣба не рви, и рубахъ не сдирай
Съ голодныхъ и раненыхъ рядомъ!

*

На чистое дѣло стань чистымъ душой
И выбрось изъ мысли дурное;
«*Иззуй сапоги!*»: предъ тобою герой,
И мѣсто, и время святое!

*

А если, храни Богъ, найдутся межъ насъ,
Что брата обманутъ обидно:
О, пусть покараетъ ихъ общій нашъ гласъ—
Во вѣки *да будетъ имъ стыдно!*

*

Нѣтъ, всѣ мы вокругъ Человѣка-Царя
Сольемся единой семьею,
Одно-лишь съ Нимъ мысля, одно говоря
И жертвуя всѣмъ и собою.

*

И вѣрится крѣпко, что Русь устоитъ,
Во имя добра и свободы,
И правое дѣло Господь осѣнитъ,
И встанутъ страдальцы-народы!...

* * *

III.

Да, вѣрится сердцу, что будетъ успѣхъ,
Вѣками въ Россіи желанный;
А все не осилишь невольныхъ помѣхъ,
Не скроешь тревоги туманной.

*

Въ Европѣ, гдѣ всякъ для себя лишь гораздъ
И жаждетъ корысти, захвата,
Кто сердцемъ востанетъ, кто руку подастъ—
На помочь для нашего брата!...

*

Вотъ армія наша поспѣшно идетъ,
И вопли о помощи слышитъ;
Слѣдимъ мы за нею,—и жалость беретъ,
И сердце притрепетно дышетъ:

*

Пустыня и горы; нигдѣ ни души;
Все нужно почти на вѣсъ злата
Добыть издалека для этой глуши—
На помочь для нашего брата.

*

Вотъ кучи развалинъ, забытый мертвецъ;
Вотъ выжженныя поселенья...
Иль это знакомо? И нашихъ сердецъ
Не трогаютъ эти явленья?

*

Смотрите: вотъ люди, въ слезахъ и крови;
На всѣхъ—на заплатѣ заплата;
Ни крова, ни хлѣба, ни вздоха любви—
На помочь для нашего брата!

*

Все нагло взялъ турокъ: Европа молчитъ;
Лишь Царское войско предстало,
Да матерь-Россія и войско хранитъ,
И шлетъ и страдальцамъ немало.

*

И слава Творцу! Если наша рука
Порой на пустякъ торовата,
Такъ пусть она будетъ хоть столькожъ легка—
На помочь для нашего брата!

*

Вставай, Русь, опять—и добра припаси,
Тебѣ помогать не въ новинку;
Отъ голода тамъ хоть семейку спаси,
Отри хоть одну тамъ слезинку!

*

Русь-Мати, неси своимъ дѣтямъ добра,
Идущимъ противъ супостата;
Самъ Царь говоритъ, что настала пора—
На помочь для нашего брата!...

*

Встаетъ Бѣлокаменная,—милліонъ
Даритъ съ задушевнымъ трезвономъ;
Нашъ Кіевъ сто тысячъ несетъ на поклонъ,
А Питеръ-себѣ съ милліономъ!

*

Крестьяне даютъ добровольно Царю
Усерднѣй губернскаго хвата;
Бобылка несетъ всю копилку свою—
На помочь для нашего брата!

*

«А мы-то чтожь, братцы?... Вѣдь мы предъ Царемъ
Краснб-таково Ему пѣли!»..
Но братцы притихли, поникли челомъ
И глубокомысленно сѣли.

*

Вотъ—люди: и средства, и опытность лѣтъ,
Толкуютъ—ума въ нихъ палата;
Но дѣла, но чувства ни крошечки нѣтъ—
На помочь для нашего брата!

*

Теперь-ли намъ время, чтобъ Лазаря пѣть
Предъ вставшимъ восточнымъ вопросомъ?!
Еще-ли намъ тридцать лѣтъ сиднемъ-сидѣть
И встать—какъ бѣда передъ носомъ?!

*

И намъ-ли не знать, что живая любовь—
Опора и радость булата?
Кто-жь спѣшно и вольно является вновь—
На помочь для нашего брата?

*

Ты, женщина!... намъ тебя нечего звать:
Ты первая вышла безъ зова,
На дѣлѣ явила ты всю благодать
И вновь безпредѣльно готова.

*

Да, *ты* насъ зови въ нерушимый оплотъ,
Въ хранители друга-солдата,
Чтобъ всѣ принесли мы, что сердце шепнетъ—
На помочь для нашего брата.

*

Зови насъ тѣмъ чувствомъ живой доброты,
Тѣмъ словомъ, подъемлющимъ властно,
Какими владѣешь единая ты—
И всѣ отзовутся согласно:

*

Тамъ-пастырь, свѣтильникъ заглохнувшихъ мѣстъ,
Чья грудь такъ крестами богата,
Отдастъ хоть одинъ драгоцѣнный свой крестъ—
На помочь для нашего брата.

*

Тамъ—истины вѣрный слуга и мудрецъ
Приникнетъ къ семейству героя,
И будетъ сироткамъ и братъ и отецъ,
Уча ихъ, любя и покоя.

*

И если его, отъ невзгодъ и причудъ,
Деньга трудовая щербата:
Онъ дастъ свою мудрость, и опытъ, и трудъ,—
На помочь для нашего брата.

*

Тамъ—явятъ торговцы усердье свое,
Да столько, что ты и не числи,
Едва лишь почуется ими твое
Словцо по душѣ да по мысли.

*

Пожертвуютъ старцы, что Богъ имъ пошлетъ,
Помогутъ лихіе ребята,
И дѣти дадутъ все, что въ ручку войдетъ—
На помочь для нашего брата.

*

Скажи имъ: вотъ вихорь и дождь проливной,
Намъ дома покойно живется,—
А тамъ—со врагомъ стойкій воинъ родной
И въ бурю и въ непогодь бьется.

*

Онъ жизнь отдаетъ,—и безмолвно его
Зароетъ чужая лопата:
Такъ намъ-ли жалѣть-то добра своего—
На помочь для нашего брата!

*

А гдѣ нибудь мчатся голодные псы
И вдругъ, среди лютаго воя,
Грызутъ и терзаютъ цвѣтъ силы, красы—
Останки роднаго героя.

*

За благо, за честь своихъ братьевъ, за васъ
Онъ палъ тамъ на вѣкъ безъ возврата:
Вздохните о немъ и спѣшите крестясь—
На помочь для нашего брата.

*

Онъ палъ! ужь не надо ему ничего—
Небесное царство готово!
А *тамъ-то*,—*въ семействѣ!*... ахъ, въ горѣ его
Безсильно и женское слово!...

*

Застонутъ деревни, поля, города...
Великая всюду утрата:—
Ты, Благость Небесная, сниди тогда—
На помочь для нашего брата!

*

Вотъ слезы текутъ—и лица не видать:
Рыдаетъ вдова молодая.
Рѣкой разливается горькая мать,
Кормильца—сынка вспоминая.

*

И плачъ одинъ ходитъ великій вездѣ
И ночью, и днемъ до заката:
Ты, Радость Скорбящихъ, склонися въ бѣдѣ—
На помочь для нашего брата!

*

Вотъ дѣти жужжатъ воркованьемъ своимъ:
«Гдѣ, мама, нашъ тятя родимой?
«Что долго не ѣдетъ?»... Что мать скажетъ имъ,
Въ слезахъ и тоскѣ нестерпимой?!

*

Ни слова, ни силъ; а нужда безъ конца,
И валится бѣдная хата:
Подвигни, Спаситель, родныя сердца—
На помочь для нашего брата!...

*

Сироткамъ и вдовамъ героевъ родныхъ,
Погибшихъ за имя Христово,
Какъ лепту несу я убогій свой стихъ,
Свое неискусное слово...

*

Богъ милости чудной! Богъ вѣчной любви,
Ласкавшій малютокъ когда-то!
Пошли кусокъ хлѣба за пѣсни мои—
На помочь для нашего брата!

28 апрѣля 1877 г.

С. Пономаревъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ «МІРСКОЙ ВѢСТНИКЪ».

Въ этой книжкѣ помѣщены слѣдующіе рисунки: 1) Княгиня Ольга подъ Коростеномъ. 2) Кн. Ольга. 3) Святославъ. 4) Гнѣзды ткачей. 5) Къ статьѣ «Отъ земли до луны» 2 рис.—Всего 6 рисунковъ.

При этой книжкѣ прилагается безплатно: житіе Святаго Всеволода-Гавріила Князя Псковскаго съ приложеніемъ хромолитографированнаго снимка съ св. иконы.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ «МІРСКОЙ ВѢСТНИКЪ».

въ этой книжкѣ помѣщены слѣдующіе рисунки:

1) Янъ Усмовичъ готовится къ единоборству съ печенѣжскимъ богатыремъ при Владимірѣ. 2) Владиміръ. 3) Низверженіе перуна въ Новгородѣ. 4) Къ статьѣ «Птицы и висящія гнѣзда» 3 рис. 5) Къ статьѣ «Отъ земли до луны» 2 рис. 6) Къ статьѣ «О человѣкѣ» 4 рис. — Всего 10 рисунковъ.

Печатать дозволяется. 17-го Мая 1877 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.